Гастроли в Лондоне проходят с триумфом

★

В две-три репетиции

С первого момента моего появления за пультом коллектив оркестра театра Ковент Гарден необыкновенно внимательно откликнулся на мои пожелания и требования.

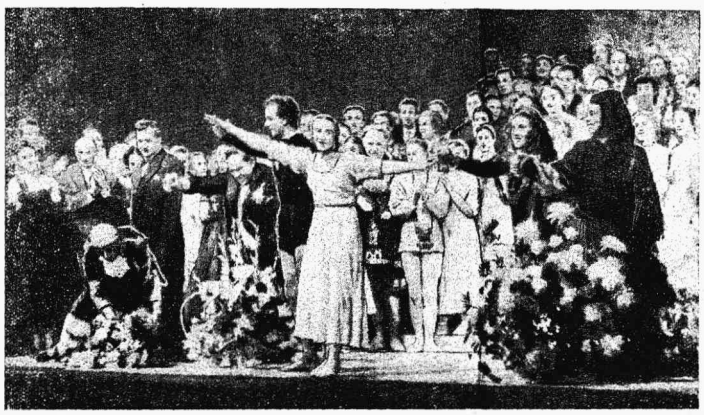
Оркестрантов буквально с первых тактов захватила музыка С. Прокофьева, и они всего за три репетиции подготовили балет «Ромео и Джульетта». На «Лебединое озеро» и «Бахчисарайский фонтан» потребовалось две репетиции. Столько же потребовалось и на «Жизель», хотя в работе над этим балетом возникла большая трудность — оркестр пользовался раньше другой оркестровкой и пришлось все перечинить.

Однако одного энтузиазма недостаточно было бы, чтобы обеспечить высокое качество исполнения. Музыкальный уровень, на котором идут наши спектакли в Лондоне, свидетельствует о высоком профессионализме отдельных музыкантов и всего коллектива оркестра, прошедшего школу таких крупных дирижеров, как Эрих Клейбер, Клемент Краусс, Бисхим, Ридо, Кемпи и другие.

Оркестр театра Ковент Гарден является спаянным ансамблем, быстро реагирующим на любое изменение темпов, он чутко прислушивается к дирижеру, во всем подчиняется ему. Вступления деревянных и медных инструментов четки. Правда, нельзя не отметить недостаточную силу звука у отдельных исполнителей. Хотелось бы ощущать большее звучание, а подчас и экспрессию в оркестровом исполнении. Коллектив, повидимому, привык к малому звучанию, от этого и проистекает недостаточное в нужные моменты нарастание.

Оркестр прилагает все силы, чтобы наши спектакли шли на высоком уровне. Работать с ним приятно и легко.

Ю. ФАЙЕР,
народный артист СССР.



Чествование артистов балета на сцене театра Ковент Гарден после спектакля «Ромео и Джульетта». (Снимок принят по фототелеграфу).

БЕЗ УСТАЛИ, С ПОДЪЕМОМ

Мы располагали только одним днем, чтобы ввести в 11 из 16 картин балета «Ромео и Джульетта» английских артистов, исполняющих ряд крупных и много небольших мимических и драматических эпизодов. Предстояло ознакомить их со стилем, ритмом, сложными музыкальными вступлениями, с разнообразной бутафорией, которая им понадобится в той или иной сцене, ввести их в творческую атмосферу спектакля.

В ходе репетиций надо было добиться, чтобы они органично влились в общий ансамбль, зажглись и увлеклись процессом лепки спектакля. Это казалось тем труднее, что английские артисты привыкли к строжайшему распорядку дня, а тут он сразу же был нарушен. К тому же мы не знали английского, а они русского языка.

Первое знакомство с английскими артистами состоялось прямо на сцене, когда все участники картины боя вступили за подмостки крупнейшего и широко известного театра.

Улыбались мы, улыбались приветливо и новые сотрудники. Завязалась беседа на языке жестов и мимики, в некоторых группах она шла на сборном англо-русском языке, так как задолго до нашего приезда англичане получили напечатанные программы. Начав со сбора автографов, они быстро познакомились с главными исполнителями. Спустя несколько минут, когда я объявил о начале репетиции и наши артисты заняли свои места, англичане уже знали свои исходные позиции.

Раскрасневшиеся, разгоряченные, английские артисты сняли пиджаки, свитеры и начали тренироваться с алебардами. В творческом упоении, они, видимо, не заметили, как время далеко перешагнуло часы «ленча» — непреложного для каждого лондонца.

С 10 часов утра и до 6 вечера они, полные энтузиазма, трудились без перерыва и выучили полностью два акта.

Через полтора часа мы вновь встретились на вечерней репетиции. Я и весь коллектив буквально были поражены удивительной точностью исполнения английских актеров.

Наступила полночь, и я обратился к ним с вопросом:

— А вы не устали? Может быть, вас отпустить домой?

— А разве русские артисты не устали? — несколько обиженно ответили они. — Или мы хуже работаем, чем они, плохо выполняем ваши задания?

Премьеру «Ромео и Джульетты» английские артисты провели отлично.

Сейчас, будучи введенными во все остальные спектакли, они вместе с советскими артистами составляют единый творчески собранный коллектив и разделяют с ними успех.

Теперь мы абсолютно понимаем друг друга, знаем всех по именам и выражаем друг другу свои искренние симпатии.

Л. ЛАВРОВСКИЙ,
художественный руководитель гастролей в Лондоне.

Министерство связи СССР

ТЕЛЕГРАММА

№ 16

БОЛЬШОЙ ТЕАТР
ИСКАННИКУ БОЛСНОЙ ТЕАТР
МОСКВА

80730 OVE30 LONDON 17
13 1244

ПОЗДРАВЛЯЮ ПОЗДРАВЛЯЮ ВОЛОДЯ ТОЧАНИЛЕТЕНЬ!
ПРЕКРАСНЫМ СПЕКТАКЛЕМ ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО ВТОР ПАЛЕНЬКАЯ
ЖЕЛАЕТ ЛАНЧУ ЛАНГ-СНИЛАНГ-

Эта телеграмма, написанная по-русски латинскими буквами, была получена из Лондона. В ней сказано:

«Горячо поздравляем дорогих товарищей с прекрасным спектаклем «Лебединое озеро». Радуемся вместе с вами. ЧУЛАКИ».

Первоклассный спектакль

Все восторженные эпитеты, которые мы слышим об Улановой, не могут подготовить нас к тому впечатлению, которое производит эта балерина в театре. Пока вы не увидите ее на сцене, у вас нет и зрительного представления, как велик может быть артист балета. Она — безукоризненное совершенство, она не способна проделать движение или жест, которые не были бы наполнены глубоким содержанием и экспрессией.

Ее Джульетта в одно и то же время поэма,—она лирична, прекрасна,— и один из наиболее сложных характеров-образов, который театр когда-либо дал в какой бы то ни было из своих форм. Ее танец — всепоглощающее вдохновение. Спектакль не оставляет вам ни минуты на то, чтобы холодно наблюдать происходящее на сцене и анализировать чудо.

...Критик должен прежде всего оценить ту лирику, экспрессию, музыкальность, тонкое понимание искусства, которые проходят через весь спектакль.

Весь спектакль — первоклассный. Хореография Лавровского использует русскую классическую технику и развивается на базе русского классического танца, но не в направлении дягилевской и фокинской хореографии, которая стала определяющей для западного балета. Нет, хореография Лавровского — иная, новая, совершенно самостоятельная. Лавровский развивает классическую технику в двух направлениях: собственно танца, который всегда зрительно представлен публике, и сюжетной линии, повествовательной, базирующейся на максимальном использовании мимики.

«Балет, — написал он однажды,— особенно балет драматический, требует благородного, глубокого, прочувствованного действия, которое возникает из сопровождающего его танца и в то же время составляет один из наиболее значительных элементов танца. Балет — это хореографический спектакль, в котором танец может возникнуть естественно из мимики, а мимика может быть логическим продолжением танца».

В «Ромео и Джульетте» Лавровский сознательно подчеркивает слияние танца и мимики, слияние, — вот что нужно особенно отметить. Успех его работы именно в этом. Он не следует традиции Петипа, для которого мимика была важнейшим и [illegible]

Все артисты балета — великолепные актеры, как и великолепные танцовщики. Сергей Корень заставляет зрительный зал не дышать своей драматической игрой в сцене смерти. Юрий Жданов великолепный, настоящий Ромео. И можно так продолжать перечислять имена всех артистов, исполняющих в спектакле все роли от первой до последней, по алфавиту.

Трагедия, обрамленная различными танцевальными номерами, еще более подчеркивает многообразную роль Джульетты. И все эти номера исполняются с живостью и с большим чувством ансамбля, что является абсолютно новым для нашей сцены. Однако не надо думать, что эти номера затушевывают основное действие.

Весь спектакль «Ромео и Джульетта» — безусловно лирико-драматический в своей основе, а не характерный.

Декорации Вильямса представлены в более скромном варианте, чем московские, но они мужественны и прекрасны. Это действительно Верона, правда, представленная несколько странными чертами. Фрески и ковры в доме Капулетти кажутся как бы нарисованными карандашом, тем не менее окончательное впечатление таково: мы видим перед собой нечто великое.

Отличная музыка Прокофьева доходит до нас благодаря оркестру Ковент Гардена под управлением Ю. Файера. И только две-три световые симфонии напоминают нам о том, как мало времени было у труппы для репетиций.

Эндрю ПОРТЕР.

«Файненшл таймс».

Лондон.